

Окт. 7-10, 2003

Репетиция в анатомическом театре. Барьер
над зияющей ямой оркестра цветами усыпан.
В позолоченных ложах, за бархатом красных портьер
непотребное что-то творится. Хихиканье, всхлипы...

Ассамблея-Конгресс Кандидатов в Болезни Г. Марка.
Многоярусный зал, возносящийся в тьму небосвода.
Фосфорическим светом увита железная арка
в центре сцены, и жёлтые буквы: «Доверься Природе!».

Сбоку стол для начальства. Там, выгнув прозрачные ноги,
восседают недуги великие в мантиях алых.
Айсберг люстры, слезящейся тысячей ватт, понемногу
уплывает во тьму, и проносится ветер по залу.

Главный Канцер Конгресса – скелет в позументах и лентах –
на трибуну идёт. Под шуршание аплодисментов
объявляет начало учебного эксперимента
по вживленью микробов в тела пациентов-клиентов.

Рой летящих, летальных инфекций-страшилок кружится,
словно хищная стая, над сценой у самого края.
В зале холод собачий. Подёрнуты инеем лица,
и волнистая линия слипшихся взглядов мерцает.

Всё внимание публики прочно приковано к месту,
где под аркой стоит хирургический стол, как магнит
ощетинясь лучами сквозь воздух дымящийся с треском.
Там в скрещенье лучей моё голое тело висит.

Барабанною дробью дрожит оркестровая яма.
Я – страдающий, страждущий, жаждущий, ждущий – среди
оголтелых инфекций один поднимаюсь упрямо
над столом, и тяжёлая дробь отдаётся в груди.